

ГАЙ СЕБЕУС

Тайна царской короны

12 НОВЫХ СКИФСКИХ СКАЗОК

Гай Себеус
Тайна царской короны.
12 новых скифских сказок

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28954462
ISBN 9785449028624*

Аннотация

«Тайна царской короны. 12 новых скифских сказок» – это продолжение книг «Кудрявые сказки для полдня и полночи. 10 новых скифских сказок» и «Сказки о временах, когда кони были крылатыми. 11 новых скифских сказок». В этой книге продолжают раскрываться тайны и секреты ламий и стриксов. Будут даны советы, как поступать при встрече с моноцеросом или вывертышем. И что делать, если в руки тебе попался старинный перстень с раскрытой волчьей пастью.

Содержание

Маленькая воровка	5
1	5
2	8
3	11
4	14
Моноцеросы и храбрая Опойя	16
1	16
2	19
3	22
Сумка старого бродяги	25
1	25
2	28
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тайна царской короны 12 новых скифских сказок

Гай Себеус

© Гай Себеус, 2018

ISBN 978-5-4490-2862-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькая воровка

1

Кто знает, что такое «время»?

Часы? Смена холодной зимы на тёплое лето?

Всё так, да не так.

На самом деле оно живое и способно связывать события, настолько далёкие друг от друга, что только диву даёшься!

Произошла однажды, во времена, давность которых тебе и представить-то трудно, вот такая история.

Одна маленькая, худая и очень грязная девочка украдкой, как мышка, прокралась в дом лекарки Чисты. Одежда девочки состояла из рваных лохмотьев, волосы торчали слипшимися клоچьями. Но зато на руках позвякивали разноцветные колечки и браслетики.

– Бабка, пойдём! – бесцеремонно дёрнула она за юбку старую лекарку. – Пойдём мамку лечить! У неё детей куча. Если она умрёт, мне их не прокормить! Они мне и так надоели! Ноют без конца! – и девочка, не сдержавшись, заплакала, размазывая грязь по лицу.

Утешать и жалеть её Чиста не стала. У скифов не принято

было поощрять слабость.

– Куда идти-то? Показывай! – взяв сумку со снадобьями, она пошла запрягать коня. – Едем лечить твою мамку!

Грязнулька требовательно вскинула взгляд:

– Тут недалеко! Только платить нам нечем, и не проси!

...Бедная женщина совсем не ждала помощи. Она так надрывно кашляла, будто торопилась порвать в клочья своё тело. Но Чиста была очень хорошей лекаркой. Три дня поила она её отварами целебных трав, обкуривала горькими дымами, читала лечебные заговоры. Почувствовав, что больная, наконец, заснула хорошим сном, Чиста тоже свалилась от усталости.

Тогда девочка воровато оглянулась и потянулась к таинственному украшению на шее лекарки, светящемуся сквозь рядно рубахи. Она заметила его ещё во время пути. Подобная неземная красота ей ещё не встречалась. И вот сейчас она решила, что самое время завладеть соблазнительно сверкающей вещью.

Но Чиста, как все старики, спала чутким сном. Она открыла глаза, и заморыш тут же отдёрнул чумазую, позвякивающую нарядным металлом лапку.

Собираясь уезжать, лекарка придержала коня, взглянула на кучу голодных детей, приползших к выздоравливающей женщине, и со вздохом сказала замарашке.

– Прыгай за спину, заедем за едой для вас!

Всю дорогу узорчатая гривна на шее старухи просвечива-

лась перед глазами девочки, словно дразня недоступностью.

Добыв еды в соседнем селенье, лекарка слезла с коня и легонько хлопнула его по крупу с двумя узлами провизии, свисающими по бокам.

– Всё, дальше я тебе не нужна. Тебе – туда. А мне домой.

– А конь, бабаня?

– Мне он не нужен. Берите себе. Будешь подрабатывать возничей, кормить семью.

Замарашка сначала очень медленно, а потом всё быстрее и быстрее убралась с глаз старухи, явно рассчитывая никогда в жизни больше не встречаться.

То, что конь был Чисте не нужен, это была неправда.

Она была старая, уставшая и чувствовала себя плохо, очень плохо. Воздуха в груди не хватало.

Что ж такое? Ведь гривна, хранительницей которой она была, должна давать силу и равновесие не только всему народу скифов, но и лично ей! Чиста схватилась за грудь. Маленькая воровка сняла с неё волшебную гривну! Вот тебе и благодарность за спасение матери и всего семейства! Но как ей удалось сделать это так незаметно?

Развязав шнурки рубахи на груди, старуха с трудом перевела дух. Решила сперва отдохнуть. А потом решительным шагом вернулась в нищий домишко, хозяйку которого только что спасла от неминуемой смерти.

Мать, узнав о пропаже, всплеснула руками:

– Ах, она неблагодарная! Какой позор! Украсть? И у кого?

У лекарки, которая спасла нас всех!

Выдернула девочку из клубка детворы и поставила посередине. Драгоценная гривна беспечно светилась вокруг тонкой шейки. Девочка совершенно не ожидала вновь увидеть Чисту. Схватилась за голову, метнулась за защитой к матери.

Но та отступила.

– У нас за добро принято платить добром. А мы мало того, что не заплатили, так ещё и обокрали свою спасительницу.

цу! А ты знаешь, что у скифов за воровство положено руки отрубать?

Грязнулька в ответ лишь прикрыла гривну ладошками.

– Верни! – мать протянула руку.

Чиста молча наблюдала за происходящим. И почти не удивилась, когда девочка в ответ крутанула одно из своих многочисленных колечек, которыми унижены были её запачканные пальцы.

Это было кольцо с волчьей пастью, очень хорошо знакомое самой лекарке.

Результатом поворота стало исчезновение самой девочки. Зато ...щенок-волчонок, неуклюже шлёпнулся на толстые лапы перед вынужденной отстраниться Чистой. Гривны на его шее уже не было.

– Спрятала! Вот хитрюга! – воскликнула возмущённая мать. – У кого она выучилась этому трюку, понятия не имею! Но именно так она повадилась сбегать всякий раз, когда я пытаюсь хоть как-то её образумить!

Тогда Чиста, усмехнувшись, лишь слегка прикоснулась к собственному перстню с волчьей пастью. И миг, вместо неё, напротив волчонок встала волчица с рыжими подпалинами на боках! По морде и холке её шла густая седина, но держаться она старалась прямо. Волчица наклонила лобастую голову и отыскала взгляд узко поставленных глаз волчонок. Угроза в её позе нарастала, седая шерсть на холке встала дыбом, черно-атласные губы в рыке оголили желто-

ватые клыки!

В ответ она ждала чего угодно, но не того, что произошло!

Волчонок не струсил, не припал в позе покорности. Нет! Он неумело тьякнул и зарычал, ткнувшись мокрым носом в самые зубы волчицы!

Боевая поза щенка не оставляла сомнений в его намерениях. Он ухватил волчицу Чисту зубами за усатую щёку и начал так нещадно трепать, будто твёрдо решил делать это до окончания собственной жизни!

...Давно, очень давно Чиста, уже вернувшаяся в человеческий облик, так не смеялась! Хотя на самом деле ей было грустно. Мудрая лекарка поняла, что маленькая воровка неспроста пошла на кражу гривны.

Чиста жила давно и уже знала, что ни одно событие в мире не происходит без причины. Так же, как и ни один поступок не остаётся без последствий. Все они, как завитки металла в её таинственной гривне, связаны друг с другом.

— Значит, пришло время гривне равновесия покинуть наш народ!

3

Чиста знала, что когда-то, очень давно, жил на свете народ бессмертных арктов. Высоких, светлоглазых, умеющих не только повелевать водой и огнём, но даже слышать мысли.

Больше всего на свете аркты дорожили единственной вещью – узорчатой гривной, украшением, которое обыкновенно носят на шее. Потому что подарено им оно было самими великими Создателями. И обещано, что жизнь их будет легка и беспечальна, пока гривна не покинет их народ.

И вот однажды произошёл конфуз, нелепая случайность.

Рэстэг, сын предводителя арктов, стащил гривну, чтоб подробно рассмотреть, как она работает. Не навсегда, на время. Но без спроса.

В краже немедленно обвинили единственное существо, которое можно было заподозрить – девочку-служанку. Рэстэг испытал огромные страдания, когда отец всей силой своего гнева обрушился на неё:

– Ах ты, маленькая воровка! Немедленно верни украденное!

Чёрные глаза девочки, устремлённые на Рэстэга, налились слезами и стали совсем светлыми от блеска. Но он молчал, решив, что теперь уж поздно сознаваться. Признание в краже унизило бы мальчика, опозорило бы навеки. Это было совершенно неприемлемо для гордого сына бессмертных арк-

тов.

Девочка тоже могла рассказать правду, она видела, как он возился с гривной. Но она молчала. Может, знала, что ей всё равно не поверили бы.

– Да ты просто бессловесное животное! – вскричал, наконец, взбешённый отец, когда понял, что ему не удастся преодолеть её молчание и гривны уже не вернуть. – Вон! Вся ваша порода – прочь из нашего города, если не хотите, чтоб я приказал уничтожить вас!

Рэстэг отчаянно пытался помешать несправедливой расправе:

– Почему ты так говоришь? Ты ведь не уверен, что украдала она!

– Мой мальчик, молчи! Ты просто не знаешь! – сокрушался отец. – Да они ведь умеют превращаться в волков! Представь: превратилась и побежала домой. И после этого гривны на ней уже не видать. А её звериные мысли даже нам, арктам, недоступны!

Спасение чести его, величественного бессмертного аркта, слабой, презираемой изгнанницей потрясло Рэстэга. Девочка спасла его просто так. Он никогда не обращал на неё внимания и даже имени её не знал.

Тогда, чтобы выразить всю безмерность своей благодарности, Рэстэг решил отдать ей самое ценное, что мог – гривну. Это было справедливо. Ведь она пострадала именно из-за её пропажи.

– Возьми, храни её, не обижайся. Благодаря ей, у твоего народа будет всё хорошо. Как звать-то тебя?

– Бирэг, волчонок, – улыбнулась девочка. Похоже, она до конца так и не поняла ценности дара.

– Мог бы и не спрашивать, – пробормотал мальчик, глядя, как волчья стая исчезает вдали. В руке у него остался только липкий леденец, полученный в обмен на подарок.

4

...Как только гривна равновесия покинула народ арктов, их жизнь оказалась разрушена, а сами они превратились в бездомных Седых Странников, белыми облаками бродящих по небесам.

И однажды Рэстэг захотел вернуть гривну своему народу. Тем более что той самой Бирэг уже давно не было на свете, ведь она не была бессмертной!

И вот час настал.

...Когда белый конь с чудным всадником спустился с горизонта прямо перед ней, скифская девочка-замарашка, так здорово умеющая превращаться в волчонка, совсем не испугалась.

Рэстэгу не составило большого труда выменять гривну обратно. А девочка, явно, желала поскорей с ней расстаться. На прощанье он спросил:

– Звать-то тебя как, волчонок?

– Бирэг, – невнятно ответила та, сладостно перекатывая во рту леденцы, полученные за драгоценную гривну.

– Как?

...И многие-многие годы вмиг пронеслись перед взором Рэстэга, связав два события в один узел.

Вскоре народ, умеющий превращаться в волков, исчез

из скифских степей, пропал насовсем. Говорят, всё из-за маленькой воровки Бирэг, отдавшей гривну равновесия.

Но не стоит грустить.

Зато на небе, среди безмятежно проплывающих Седых Странников, теперь царит мир и постоянство.

Моноцеросы и храбрая Опоя

1

Только старые, очень старые сказочники знают эту историю.

Но то ли была она на самом деле, то ли выдумана – никто про то не говорит. А вот упросить рассказать её стоит. Может, повезёт, и сказочник согласится.

И то, если застанешь его за исполнением грустных мелодий на скифской свистульке-корине. Тоненько льётся мотив из глиняного горлышка, словно ручеёк струится. Высвистывает невиданное да неслыханное.

...Была у стариков-родителей единственная дочка Опоя.

Бедные были старики. Имелось у них в хозяйстве всего-то: баран да овца, петух да курица. Но они всегда разбогатеть мечтали. И вот настала пора дочку замуж выдавать.

Посватался к ней сын соседский, Скил. Собою статный да весёлый. Но, к большой досаде родителей девушки, такой же бедняк, как и они сами.

Уж и так они дочку отговаривали, и этак. А та всё ни в какую:

– Люб мне Скил, не нужно мне богатство, мне он надобен!
Осерчали родители.

– Пусть, – говорят, – сперва докажет твой Скил, что способен прокормить тебя и ваших будущих детей. Вот если принесёт обеденную чашу золотых монет – отдадим тебя замуж. А нет — другого жениха, побогаче, тебе отыщем.

– Откуда ж он добудет монеты золотые? – всплеснула руками Опойя. – Он же простой кузнец, клинки для скифских воинов куёт, а не монеты чеканит!

Но родители не отступаются, на своём стоят. Сами прожили в бедности, так хочется, чтобы хоть дочка любимая недостатка ни в чём не знала.

Затосковали влюблённые. Но делать нечего. Не принято было у скифов поступать против воли родительской.

Ушёл Скил в чужие земли на заработки. А куда – никому не рассказывает. Только невесте своей шепнул, что нанялся у моноцеров овец стада пасти. А те ему полновесными золотыми платили.

Моноцеры в меловых пещерах, как птицы, гнездились.

Лапы у них были как ноги человеческие, а клюв губами заканчивался. Которыми очень удобно было высасывать птичьих яйца, лягушачью икру и ...мозги из черепов.

Для пропитания они большие стада овец держали, а пастухов из бедных людей нанимали.

Сытые моноцеры умели издавать своими трубчатыми губами такие печальные мелодии, что овцам-то – ничего, а люди до беспамятства заслушивались. Пели эти твари чистыми женскими голосами. Пели о жизни, о смерти и о та-

инственных перекрёстках.

Что за перекрёстки это были, никто не знал. Но песни были очень печальные, поэтому все слушатели обыкновенно плакали, а после ...память теряли!

2

Вот раз вернулся Скил с заработков домой – золотую монетку принёс, второй, третий. Так вскоре половина обеденной чаши золотых монет насобиралась. Взмолилась тогда Опойя:

– Давай попросим родителей половиной чаши золота довольствоваться!

– Нет уж, я слово дал, – поразмыслив, отвечает Скил. – Потерпи ещё немного, любимая. Скоро мы вместе будем, и тогда уж никто не сможет разлучить нас!

– Ой, боюсь я! – обливалась слезами Опойя. – Не бывало ещё случая, чтобы от моноцеров люди с заработками возвращались. Умеют они, видно, обмануть простого человека. А после его мозг, как у барана, высосать!

– Не бойся за меня! Я ведь секрет знаю, – посмеивался Скил. – Им не надо в глаза смотреть. Никто не знает, что за сила заключается в открытом взгляде, но он подобен открытым дверям: заходи и бери что хочешь! Зато когда сами моноцеры поют, тут уж они становятся совсем беззащитными, так увлекаются.

Ушёл на этот раз Скил и как в воду канул, пропал бесследно. И где искать его – никто не знает.

Родители уже начали дочери нового жениха подыскивать. А та женихов перебирает, а сама всё к плетню выходит, да

в сторону меловых пещер посматривает, милого ждёт.

Не знали старые родители, что молодые обучили летучую мышку летать меж собой, вести приносить. Если та просвистит: «Цвирк-цвирк», – то всё хорошо. Ну а если уж: «Цварк! Цварк!» – беда наступила, и можно не ждать Скила обратно. Тут уж действительно можно искать другого жениха.

Долго мышки не было. Но принесла она, в конце концов, печальную весть.

Поняла Опойя, что заслушался всё-таки её Скил песнями моноцеросов о таинственных перекрёстках, потерял память и нечаянно открыл свой взгляд, став для них едой. Забыл он и о доме, и о своей невесте. Сидит, видно, в пещерке, своей очереди – стать ужином моноцеросовым – дожидается.

Надела тогда девушка доспех воинский, взяла меч, который жених сковал, прихватила своего барана и овцу, петуха и курицу и пошла его выручать.

Шла она, шла, шла-шла, наконец-то пришла к самым меловым горам. Смотрит, сидит на вершине моноцерос-охранник, нахохлился сурово, по сторонам озирается.

Тогда она сама спряталась, а барана вперёд и выпихнула. Видит моноцерос: баран бредёт. А вокруг никого. Одолел его соблазн полакомиться бараньими мозгами. Подскочил, взгляд открытый бараний поймал, клювом в глаз проник. Сидит, от удовольствия покряхтывает, любимым вкусом наслаждается.

Насытившись, моноцерос перетряхнул пёрышки, потя-

нулся, раскачиваясь в сладостной неге, и зашел, совершенно позабыв, о том, что он охранник.

Хорошо, что Опойя успела уши себе овечьей шерстью заткнуть!

Проскользнула она дальше, смотрит, следующий моноцетрос-охранник сидит. Ему она овцу вытолкнула.

Пока тот распевал, Опойя опять мимо проскочила.

3

Смотрит, высоко посреди меловых скал площадка. А в центре на золочёном птичьем помосте сидит вожак стаи моноцеросов. Перья седые, голова лысая, а клюв такой тяжёлый, что вниз тянет.

Ему она курицу с петухом выпихнула.

Тот полакомился куриными мозгами, но мало показалось – не поётся, голос срывается.

Тогда старик-моноцерос взлетел к ближайшей меловой пещерке и клювом выволок человека. Опойя так и ахнула: «Это же мой Скил! Но что с ним? Он будто очарованный! И глаза беззащитно распахнуты!»

А моноцерос тем временем вокруг Скила то с одной стороны зайдёт, то с другой, не терпит к нему до мозга человеческого добраться. Но никак взгляд поймать не может – Скил всё отворачивается. Злится старик, крыльями хлопает, прыгает, но только хуже делает: Скил ещё и рукавом заслонился.

Что делать Опойе? Как спасти жениха? Моноцерос – тварь огромная, сильная. Не справиться девушке с ним! А тут ещё и другие моноцеросы из пещерок выглянули, дело к вечеру, всем ужинать хочется.

Смотрит Опойя, по тропочке стадо овец тянется. Слетели моноцеросы к ним, каждый себе жертву выбрал. Даже вожак бросил с человеком возиться, покорную овцу себе выхватил.

Насытились они, уселись на скалах в красивых позах, запрокинули головы и запели.

На эти звуки вышли из меловых пещерок другие пленники.

Лица у всех счастливые-счастливые! Прекрасным пением наслаждаются, совсем позабыв, что цена этой радости – жизнь!

...Струйные мелодии обвевают тела слушателей, нежными женскими голосами приподнимают их до высот Создателей. И всё невнятное становится понятным, всё обидное оказывается прощённым!

И, кажется, что расплатиться жизнью за такое изысканное удовольствие можно легко и просто! Они свой выбор на этом перекрёстке уже сделали!

Тогда и Опойя поняла, что пора и ей делать свой выбор. Выхватила она меч и срубила жадным тварям головы. До одного только старика-моноцера не достала, слишком уж высоко он уселся. Очнулся вожак, глядь, а вся его стая безголовая лежит!

Ох, и озлился же он! Коготками на крыльных оконечностях, что так похожи на человечьи пальцы, начал выдёргивать из собственных крыльев перья. И бросать в девушку, как стрелы. Перья острые, смертоносные! Только доспехи, выкованные Скилом, и спасли Опойю от гибели неминучей!

Но одинокий, общипанный, уставший от пения и от злобы, моноцерос был уже не опасен.

Вывела храбрая Опоя пленников из меловых гор на степной простор. А они расходиться не желают. Сбились в кучку, назад оглядываются, будто ждут чего-то. Будто об утраченных песнях прекрасных сожалеют. Вот беда-то!

Да и Скил не узнаёт свою невесту. В глаза не глядит, всё поверх её головы слухом звуки неведомые выискивает.

Что же делать бедной девушке?

Набрала она глины, слезами смочила, слепила корину. Поёт-посвистывает тоненьким голоском простенькая свистулька-корина о любви и верности, о силе и храбрости, о выборе на таинственных перекрёстках...

И такая у неё грустная песня получилась, что все пленники к ней потянулись, слезами омылись. И всё-всё о себе вспомнили: как в плен попали, как смерти ужасной ждали, как дома родные их ждут-не дождутся!

Вернулись они в меловые пещеры, набрали себе золотых монет, что чеканили моноцеросы, и тогда уж разошлись по домам. Не забыв поблагодарить храбрую Опояю за спасение.

И лысый моноцерос своим злобным квохтаньем уже не смог им помешать.

Сумка старого бродяги

1

В давние-стародавние времена жили-были в одном скифском селении отец с матерью и сынок маленький. И был он – ох, какой непослушный да любопытный! Вечно совал нос в чужие дела!

Станут его ругать. А у него на всё один ответ: «Да ну вас!»

Так его и прозвали Дану.

...Отправляется их сосед на охоту. А беспокойный парнишка тут как тут:

– Ты куда? Ты зачем? Ты когда вернёшься?

Много раз ему объясняли, что нельзя идущему в дорогу задавать вопросы, тому удачи не будет. А Дану будто не слышит.

Разжигает мать огонь в очаге, чтоб лепёшек напечь. А Дану тут как тут – с советами подоспеет:

– Ты не так делаешь! Ты лучше вот этак, по-другому!

А сам так в огонь и норовит свалиться. Однажды мать едва успела затушить вспыхнувшую на нём одежду. А сама сильно-сильно обожглась!

Беда с ним, да и только!

А то как-то вечерком весенним приветил отец из жалости

одного бродягу бездомного. Накормил его и отдохнуть позволил в тенёчке под домом. Бедняга как шёл, так и свалился от усталости. Весь серый, пыльный, в крови запёкшейся, волосы клочьями, одежда – обрывками. Будто волки его драли.

А Дану улучил момент, когда заснул путник, и решил любопытствовать, а чем это его сумка наполнена? Зацепило его то, что бродяга-бедняк, а сумка – большая и новёхоньякая!

Не раз говаривали ему родители:

– Нельзя трогать чужое добро! Схватишь чужую судьбу!

Потом не отвяжешься!

А он и тут не послушался.

Развязал мальчик бродягину сумку, а там ничего не видно. Темно и пусто. Тогда он голову-то туда и сунул, чтоб рассмотреть хорошенько.

И ...провалился в неё!

Закричал он от страха что было сил.

Так с криком и шмякнулся рядом со старичком-ворчунном, на серого бродягу подозрительно похожим.

А тот как рыкнет на него по-волчьи:

– Чего орёшь-то? На вот, цепляй да иди, куда все пошли!

Только хотел мальчик сказать ему, что тот ошибся, и никуда он, Дану, идти не обязан, как старичок волчью маску ему на лицо напялил. Та и приросла.

Чувствует Дану, что всё тело у него чешется. Руками потрогал, а там ...шерсть густая волчья проросла! А сзади,

на копчике, даже больно стало. «Наверное, ударился, когда падал», – подумал мальчик. Потёр копчик, а там, о, ужас! ... волчий хвост виляет из стороны в сторону!

И сам он весь – уже вовсе не мальчик, а настоящий волчонок!

Ужаснулся Дану: «Да что же это такое! Ведь это не я! Я совсем не такой!»

Тут понял он, что правы были родители, когда предупредили его не трогать чужих вещей. Не послушался он, вот и схватил чужую судьбу на себя.

А старичок не нарадуется:

– Ну, я пошёл, – говорит, – выручил ты меня, Дану! Не чаял я избавиться от моей звериной доли. Никак не могу жить среди волков. Измучился! А тут ты сам и вызвался на моё место!

Подпрыгнул и исчез. Тут ещё темней стало, будто сумку кто-то сверху завязал крепко-накрепко.

Что же теперь делать-то?

Смотрит Дану, сидят поодаль волки. Глядят исподлобья, зубы скалят, шерсть на загривке дыбят. Видимо, его дожидаются...

2

А в это время отец с матерью обыскались своего сыночка. Они и не обратили внимания, что сумка старого бродяги за одну ночь из новой превратилась в обтрёпанную. А сам он, наоборот, приосанился и помолодел, будто от серой пыли отряхнулся.

Они даже не заметили, как он ушёл. Не до того им было. Сына искали, с ног сбились. День ищут, другой. Нет, как нет!

Только с тех пор стали появляться по ночам вокруг их дома следы волчьи. И скотина пропадать стала: то кур хозяйка недосчитается, то и вовсе овца исчезнет.

Что такое? Дело небывалое! Неужели дикие звери до того осмелели, что в человечесьё селенье не боятся заходить? И собаки ведь молчали, не лаяли! Как такое чудо быть может?

Неужели это злые звери Дану унесли?

Тогда отец решил на крайность: решил обыскать всю степь, чтобы хоть косточки сыночка отыскать, да похоронить по скифским обычаям. А заодно волков отстрелять, волчьи стаи от дома отвадить.

Позвал он на помощь двух друзей-приятелей. Настоящих друзей ведь много быть и не должно, иначе дружба цену теряет. А те уж дали ему совет: призвать на помощь всех жителей селения. Втроём ведь всю степь не охватить.

Забил отец быка, сварил его мясо, а шкуру расстелил на площади посреди селенья. И сел на неё с заломленными руками, о горе своём рассказывает.

Сразу собрались вокруг все соседи. Каждый, кто мог помочь в поисках мальчика, подходил, брал кусок мяса и, встав одной ногой на шкуру, клялся привести на подмогу своих друзей и родственников. Ведь подобная беда могла случиться с каждым.

Всю степь скифы обшарили, под каждый куст заглянули. Несколько волков подстрелили насмерть. А одного отец Дану ранил в ухо, но тому удалось уйти.

Но не нашли ни единого следа пропавшего мальчика.

3

Так прошло несколько лет.

Дану охотился в степи вместе с волчьей стаей. Лучшие куски отдавал вожаку и старым волкам, сам довольствовался их объедками. Но если с добычей не везло, получал от голодных волков основательную трёпку. Иногда удавалось избежать расправы, утащив для них из родительского сарая курицу или даже овцу. Благо, собаки его узнавали, не лаяли. Но всё равно это было очень рискованно.

С трепетом в сердце вспоминал мальчик, как однажды отец, не ведавший, кто перед ним, чуть не пристрелил его. Стрела вонзилась в ухо. И ему пришлось вырвать её, визжа от боли.

Зато раз в полгода, весной и осенью, в равноденствие, когда уравнивались день и ночь, звериное и человечесьё, – Дану разрешалось, взяв сумку из волчьей шкуры, человеком пройти в родное селенье. А вернуться он должен был с сумкой, полной еды для своей стаи.

Хотел было Дану подойти к родителям и помощи попросить. Но как представил, что сменится день, и он в волка превратится прямо на глазах отца и матери, – так сразу отказался от этой мысли. Да и чем они могли ему помочь? Сам виноват, надо было слушать, что ему говорят, а не отмахиваться: «Да ну!»

Можно было, конечно, найти другого «кормильца стаи». Но для этого надо было отыскать желающего влезть в эту шкуру вместо Дану. Это было непросто. Ведь таких любопытных и бесцеремонных, как он сам, в скифских краях немного.

Так и жил Дану по волчьим законам. Мёрз под зимними ветрами, выл на луну, тоскуя по дому, шёл на поиски добычи, когда гнал голод.

И вот однажды в курятнике одной старухи он попал лапой в капкан.

Старая женщина уж было замахнулась ножом, желая прикончить ночного воришку, но присмотревшись, вдруг и говорит:

– А ведь ты не волчонок! Кто ты, несчастный? Говори уж! Я волчью речь понимаю!

В ответ Дану, подскуливая от жалости к себе, рассказал ей свою историю, пожаловавшись на несправедливость судьбы, на злой случай.

– Нет, – отвечала ему мудрая женщина, – это несбывшиеся мечты родительские отзываются в твоей судьбе таким образом. Это последняя попытка наставить тебя на ум-разум.

– Я уже наставлен на ум-разум! – взвизгнул по-волчьи бедняга. – Как я раскаиваюсь в своём безрассудном поведении! Только как же мне теперь избавиться от волчьей шкуры и вернуться в родной дом? Прошли годы, а я так и не нашёл ни одного желающего заглянуть в мою сумку, когда под ви-

дом старого бродяги выхожу к людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.